

...В восьмой класс я перевелся в школу № 8 города Мичуринска. Вырос из детских штанишек, и на семейном совете решили: учиться старший сын должен в Городе. Жил — то у одной (2 года), то у другой (2 года) бабки. Да, что удивительно (не забыл, вспомнил): в первую смену мне пришлось учиться только в первом классе и второе полугодие одиннадцатого; и здесь Никита Сергеевич подсутился и в сфере образования — в школе был только один — один! — выпуск одиннадцатилетки, наш выпуск; до нас, с нами, и после нас — десятилетки; подсутился здорово — в институтах двойной наплыв абитуриентов. Пережили. И все. Остальное посещение школы — только вторая смена. Кого как, а меня вполне устраивал такой расклад.

Какие запоминающиеся события этих городских школьных четырех лет?

Вкратце, штришками, как и все мои предыдущие и последующие мазки тех далеких дней, преданья седи... Нет, не седины, второй половины двадцатого века.

...Первый урок в новой (городской) школе — физика. Преподаватель Алексей Иванович Головин — псевдоним «Голова» («Голова» — не из-за фамилии; он всем ученикам за удачный оригинальный ответ говорил: «Это — Голова!»). И на этом, первом уроке он задает «на дом» смастерить — ни много, ни мало — перископ (!).

Ничего оригинального не придумав, склеил из ватмана квадратную трубу, с обеих сторон приклеил зеркала под сорок пять градусов; хотя и примитивный, но перископ получился. С портфелем в одной руке и перископом в другой иду в школу, где на пол-дороге меня догоняет Генка Шелудько и просит, чтобы он отдал «Голове» перископ. Я ничего против не имел, тем более, что Генку знал еще до перехода в городскую школу — наши родители дружили еще с института.

— Вот, Алексей Иванович, — протягивая перископ преподавателю, заявляет Шелудько, — мы с Макаровым сделали (!).

Как выяснилось, это оказался единственный перископ на два восьмых класса. Тут же вспомнилась родная сельская школа: получи такое задание — все бы пацаны, да и некоторые девчата показали бы на следующем уроке свои изделия.

А Генка Шелудько получил свою первую «пятерку» по физике, и, как оказалось, единственную до окончания школы...

...В девярых — одиннадцатых классах мы четыре дня учились в школе, а два (вторник и пятницу) из нас готовили автослесарей и шоферов-профессионалов. Три года мы посещали, под опекой Казакевича Леонида Антоновича — нашего руководи-

теля производственного обучения, Мичуринскую автотранспортную контору. В основном были на подхвате: пойдя, принеси, подкрути, помоги, а то и просто без дела шатались по территории автобазы. В десятом сели за руль подаренного школе автобазой, грузовика: старенького ГАЗ-51. Зимой в одиннадцатом классе, ближе к весне, нас распределили для практического, почти самостоятельного вождения по штатным машинам, к настоящим шоферам в качестве бесплатного приложения. Мне и Генке Шелудько (капитаном Советской Армии погиб при невыясненных обстоятельствах в конце семидесятых) «достались» самосвалы — ЗИЛ-130. Мы за рулем. Шоферы — мирно дремлют рядом, изредка направляя на истинный путь, т.е. правильную дорогу. В основном возили уголь. По городу, по официальным документам — не более трех ковшей экскаватора. За город, по деревенским халтуркам — восемь (!) ковшей, не меньше. Рессоры прогибались в обратную сторону. Вот это и были (а прерывались ли они когда-либо?) рыночные отношения, во всей своей подпольной нелегальной красе.

...В апреле экзамен. Вначале по слесарному делу. Из нас всех (пятерых из 11 «Б» и двенадцати из 11 «А») только двое-трое (не помню точно, тем более, что слесарное дело нас, мягко выражаясь, особенно не влекло и не прельщало) сдали на третий разряд. Остальным, и мне в том числе, выдали документ с гербовой печатью: «Свидетельство о присвоении квалификации» слесаря-авторемонтника второго разряда. Во, как!

Затем — экзамены непосредственно на шофера. Но прежде парой слов вернусь на год назад, в шестьдесят пятый. Внимание! 14 апреля 1965 года мне вручили «Удостоверение № 9756» — Водителя (еще раз — особое внимание!!!) велосипеда. Владелец этого удостоверения имел право управлять только велосипедом и, ни дай Бог, мопедом или другим каким гужевым (лошадь, верблюд, осел, слон, буйвол) транспортом. Повеселились? А вы как хотели? Поехали дальше.

В первую очередь сдавали теорию (собрали нас, таких бедолаг, со всего города). Впервые в истории Тамбовского ГАИ сдавали по трафаретной системе: вопрос и три-четыре ответа, один ответ из них правильный. Всего десять вопросов. Ответившие на 9—10 вопросов получали, при успешной сдаче вождения, права шофера-профессионала третьего класса (категории «В», «С» — по-нынешнему); ответившие на 8 вопросов — водительские права шофера-любителя (категории «В»).

Результат был ошеломляющий. Потряс всю нашу школу. Из семнадцати (пятеро, мы, т.е. «Бэшники» и двенадцать «Ашников») только Виталька Аносов, неформальный наш лидер, чемпион города по десятиборью и прыжкам в высоту, ответил правильно на все десять вопросов и успел заполнить (всю!) карточку-трафарет Генки Шелудько на почетные любительские восемь ответов; мой ответ потянул на «золотую середину» — девять правильных ответов. Остальным пришлось расстаться с мечтой о получении водительских прав. Ну, а практическое вождение сдать было делом техники. Тем более, что техника была наша: школьный ГАЗ-51.

...Одиннадцатый класс. 11 «А» — двенадцать ребят, двадцать три девчонки. 11 «Б» — пятеро ребят, двенадцать девчонок. «Несправедливость», неравенство разделения объясняется размерами классных комнат. Никакой: ни расовой, ни половой дискриминации и в помине не было.

Первое сентября. Урок физики. Учитель (не препод!) — Головин Алексей Иванович. У доски, обычное явление на его уроках, пять-шесть человек. Мне достается самое «простое» задание — написать все (это после летних-то каникул?) формулы из физики — из трехтомника Перишкина — какие я знаю, какие помню, какие люблю, желательно — побольше, в идеале — все. Я и написал. Все! Нинка Емельянова, сидя на первой парте, аккуратно, не спеша перелистала все три тома Перишкина от перво-

го до последнего листа. Все формулы были написаны. На доске. За спиной учителя. Отметка — «хорошо», четыре балла, то есть. Почему?

...Второй урок физики в 11 «А». Аналогичное задание получает будущий серебряный медалист, Толя Савилов, любимец физика. И, конечно, в силу отсутствия подручных средств, пишет только половину формул. И получает, соответственно... «Отлично», пять баллов, то есть. Почему?

— Примета такая,— объясняет нам на большой перемене физик,— первая поставленная мной в учебном году, отметка, должна быть «четверка». Тогда и весь год будет удачным. А напиши Макаров (т. е. — я) всего одну формулу, результат был бы тот же самый — «хорошо».

Где логика? А нужна ли она? мистика? Но год-то прошел, вроде бы, не плохо: войны-то не было...

...На выпускном вечере мне было высказано, с размахиваниями перед моим лицом четырьмя парами кулаков, все, что обо мне думают мои одноклассники. Из 11 «Б» класса. Виталька Аносов. Сашка Летуновский. Славка Лошаков. Генка Шелудько. И свою лепту в эти высказывания вносила наша классная руководительница Гаврилова Людмила Степановна. Как это так: у них, у 11 «А» — одна золотая (Ритка Бочарникова) и целых четыре серебряные медали, а у нас, у 11 «Б» — всего две золотые (Клавка Шарова и Лидка Кузнецова). Мол, ты (т. е. — я) о чем думал, куда смотрел — всего четыре «четверки» в аттестате (для «серебра» нужно было две «четверки»); не мог, что ли, поднапрячься, поднатужиться и в последнем полугодии, и на выпускных экзаменах дотянуть, дожать, добить, додолбасить несчастные эти две «четверки» до «пятерок». Не мог!

Четверка по русскому, четверка по литературе, четверка по английскому, четверка по химии.

Русский и литература. Отец — литератор. Уйма прочитанных книг. Большая домашняя библиотека. Устный ответ — законные пять баллов. Сочинение — «четыре», как ни крути, изредка за содержание — «пять».

Английский язык. В селе преподавался через пень-колоду. В общей сложности в пятом-шестом-седьмом классах не наберется и двух полнокровных четвертей изучения английского языка. Не ехали почему-то в наше село «иностранки» — «дефицит» на них был. Плюс к этому: полное отсутствие способностей к языкам.

Химия. Учебник знал наизусть. Переписывал по десятку раз все химические законы и формулы. Устно — «отлично». Контрольная — «три-четыре». Непонятки какие-то. Не лезла в меня химия. Кошмар, да и только.

Первый экзамен — сочинение. Классная передает слова директора школы Буданцевой Александры Петровны, что если сочинение мной будет написано на «пять-пять» или на «пять-четыре», то они подумают о моем «серебре». С натягами, с переписыванием сочинения, с трехкратной его проверкой всеми «русачами» школы, кое-как вышли на рубеж: русский — «хорошо», литература — «отлично». Заветные «пять-четыре». И отослали работу, наряду с другими претендентами на медаль, в вышестоящую инстанцию. В ГОРОНО (Городской отдел народного образования). Результат известен. Не плачевный, однако.

После вступительных экзаменов в институт я впервые в своей жизни, применительно к себе, понял библейское высказывание: «Что ни делается — к лучшему». Получи я медаль, попал бы в такую передрыгу с самых первых институтских шагов... лучше не ворошить, тем более, ни к чему прибегать к сослагательному наклонению в реальной жизни...

...Черчение. Высший пилотаж! В девятом классе — «мясорубка». Чертежи каждой детали. Чертежи всего агрегата. В трех проекциях. Сборочный чертеж. Сбороч-

ный с разрезом. На миллиметровке. На ватмане. Карандашом. Тушью. «Отлично». В десятом классе — какой-то замысловатый «вентиль».

Ситуация повторяется. Одиннадцатый класс. Четыре «халтуры» — четыре чьих-то диплома о высшем образовании. В чертежах. Толстые папки чертежей. Тушью. На ватмане. Честно заработанные деньги...

...Второй выпускной экзамен. Алгебра, устно. Захожу за Виталькой Аносовым. Заплаканная мать. Потерянно раздавленный отец. Сына забрали в милицию. Ударил вчера, около своего дома, сидя на лавочке, пьяного прохожего, ткнувшего зажженной сигаретой в шею его будущей супруге Людке Орловой из 11 «А» с отягчающими обстоятельствами: перелом ключицы и прокурорский родственник у этого пьяницы. Поднялась вся школа. Вся общественность. Включились видимые и невидимые рычаги и рычажочки. По подписке о невыезде освободили моего друга до суда, дали сдать выпускные экзамены. Потом суд. Условный срок. Апелляция «потерпевшего». Областной суд. Вердикт первой инстанции остается в силе...

...За всю мою жизнь меня ударили (физически ударили) всего один раз. Ударили сзади. Неожиданно. Подло. По уху. Без причины ударили. При Алке Беляевой, из 11 «А», первой красавице школы, которую я провожал после последнего сеанса из кинотеатра «Октябрь». Ударили. Обогнали нас. И убежали. Подло ударили. И подло убежали.

На следующий день, видя мой заплывший правый глаз и содранную кожу около уха, мой двоюродный брат Валерка Макаров, в определенных кругах пользующийся должным расположением, быстро выяснил совершившееся несправедливое, не по понятиям, безобразие.

Кто инициатор? Кто исполнитель? Кара последовала незамедлительно и в более жесткой форме. По понятиям.

И небольшое резюме: не зная, кто перед тобой — вначале подумай о возможных последствиях...

...Сентябрь тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. Панский лес на окраине Мичуринска. Кросс! День кросса в нашей школе. Самой спортивной школы города. Кульминационный забег. Последний. Бегут старшеклассники. Спортивная элита школы и города. Одна тысяча метров. Километр. По пересеченной лесной местности. По лесу. По лесной тропинке. Узкой тропинке, по сторонам которой сплошной часток кол молодого дубняка. Пятьсот метров затыжного, прямо со старта, тягуна и пятьсот метров в обратном направлении, по другой тропинке, пологого спуска.

Одна тысяча метров общей дистанции. Кросс.

В нашем 11 «Б» — трое спортсменов: Аносов — десятиборец, первый разряд; Шелудько — велосипедист, первый разряд; Макаров — чистый спринтер, первый разряд. В 11 «А» и в обеих десятых — все средневики, второй-первый разряд на 800—1500 метров. Особенно силен Мишка Белов из 10 «А», фаворит нынешних соревнований. Да и другие — под стать ему. На победу у нас троих — никаких шансов. Даже на призовое место нет шансов. Ни наш тренер, Григорьев Анатолий Сергеевич, ни наша классная, ни наши школьные подруги, никто в нашу победу не верил. Тем более, остальные болельщики, ясное дело, тоже не верили. Не принимали нас даже в расчет. Вошли бы в десятку и то — хорошо. Ишь, победы им захотелось. Но все забыли, что у Шелудько пятьдесят процентов хохляцкой крови, а посему в его голове рождается авантюрный план. Рвануть со старта изо всех сил. Рвануть на тягун! Изо всех сил. Двое впереди, перекрывая сопернику возможность обгона. А третий, нога в ногу, не отставая, буром прет за ними. Чтобы при переходе на вторую половину трассы, вырваться из-за их таранных плеч и лететь по пологому склону к финишу.

Хватит или не хватит сил у этого третьего — никого не волновало. Хватит! Хватит сил! Чтобы первому разорвать финишную ленточку (хотя, вторые-то никогда и не рвут никаких финишных ленточек)...

Финишную ленточку я рвал в полубессознательном состоянии. Задыхаясь от нехватки кислорода. На верхней ступеньке пьедестала мы стояли втроем...

...Десятый класс. Больница. Земская (с того давно канувшего в лета девятнадцатого века). Мичуринская больница. Ее до сих пор так и называют: «Земская». Я лежу в палате «косарей» и «глухарей». Палата большая. На двадцать человек. Слева — глазные больные. Справа — больные ухо, горло, нос. Меня в больницу направил военкомат. У меня больные глаза. С самого раннего детства (может, осложнение после дифтерии, может еще что?).

Больные глаза с неустановленным диагнозом, кстати. Где только меня не обследовали. Мичуринск. Тамбов. Симферополь. Рязань. Томск. Москва — НИИ — институт глазных болезней имени Гельмгольца.

И нигде не был поставлен окончательный диагноз. Вроде — это? Или — то? А может — другое?.. Все лекарства, применяемые при лечении глазных болезней, прошли через мои органы зрения. Толку никакого. Незначительные улучшения... незначительные ухудшения... И, не мудрствуя лукаво, призывная комиссия выносит вердикт: По статье 88 «Б» (помню до сих пор эту статью) «Расписания болезней» (тогдашнего «Расписания»): «Не годен в мирное время, ограниченно годен в военное». Гербовая печать. Роспись... Приплыли! «Волчий билет!» Он мне потом, этот «волчьеядодник», изрядно попортил нервы. А сейчас — билет, так себе билет: ни к чему не обязывающая бумажка...

...После выпускного вечера мы с ней обменялись часами. Под утро. На берегу речки Лесной Воронеж. Мокрые после купания и с песком в непромытых волосах. Я ей — свою «Неву», она мне — свою золотую «Зарю». В залог нашей, до гробовой доски любви. Вместо Ольги Ерохиной, как и моя младшая сестра, она стала Ольгой Макаровой. Но фамилия у нее была не моя. Моего однофамильца. А я забросил ее золотую «Зарю» в речку. В Лесной Воронеж. В том месте, где два года назад мы голые купались после выпускного бала...

...Электричество. Мое тесное (очень даже!) знакомство с электрическим током случилось трижды. До трагедии дело не доходило. Но...

...Где-то в году пятьдесят шестом — пятьдесят седьмом (прошлого века) наше село радиофицировали. К каждому дому, к каждой избе подвели провода и мы стали чуть-чуть ближе к цивилизации двадцатого столетия. Электричества, понятное дело, еще не было. Не было и лучин, не было свечей. Были керосиновые лампы. Трех-, пяти-, семилинейные (что это за такие «линейные» — я до сих пор не знаю).

Так вот, с радиопроводкой начались эксперименты. Пробую взяться рукой за вилку, включенную в розетку радиоточки. Никакого эффекта. Никаких последствий. Тока, что ли нет? Но радио-то говорит. Значит — ток есть! Но маленький. А не попробовать ли вилку языком? Подумано — сделано! Ведь умудрился каким-то образом языком замкнуть оба штырька вилки...

Замкнул! И получил такой удар по мозгам, что летел со стула метра три. Легкие ушибы, незначительные синяки и на всю жизнь обеспеченное «табу» на всевозможные вилки и розетки.

...Шестьдесят шестой год. Май месяц. Девятое число. Праздник Победы! Великий Праздник!!! Мичуринск. Дом дяди Саши, младшего брата отца. С улицы открываю калитку и... мимо меня, выпущенный как из катапульты, что-то орущий, в эту самую открытую калитку, пролетает мой двоюродный брат Валерка и падает в про-

текающий рядом ручей, перелетев заодно и тротуар. Что же произошло? Вырисовывается картина. Прекратила вдруг звучать из радиоприемника бравурная музыка. Причину обнаружили быстро. В розетке отошли контакты, а под рукой не оказалось ни отвертки, ни пассатижей. И Валерка полез зубами (!) откусывать изоляцию на проводе. Все бы ничего, но забыли выключить рубильник на щитке... И пришлось брату совершать беспрецедентный полет с табуретки в ручей. Шесть с половиной (мы измерили) метров он пролетел после знакомства с электрическим током. Без каких-либо последствий. Не считая небольшого потрясения и мокро-грязной одежды. А если бы не было меня? Если бы я не открыл калитку за мгновение до его полета? Невероятное совпадение...

Мистика?..